

Федор Абрамов
ЗАМЕТКИ О БОРИСЕ ШЕРГИНЕ¹

Не буду фантазировать задним числом насчет разговора – терпеть не могу в воспоминаниях сорокалетней давности «точное воспроизведение разговоров».

Говорили мы немного. Об Архангельске. В начале тоска. Давно, дескать, не бывал, хотелось бы. А я насчет изменений.

О племяннике богоданном – хорошо помню это выражение.

О том, что он не видит, не пишет, что увяза для всех, в том числе для племянника.

Да, не помню точно сегодня. Но хорошо помню его светящийся лик (ничего больше подобного не видал), его неторопкую, умиротворяющую речь. Как ручей в белой ночи...

И еще помню, как светло было у меня на душе, когда вышли. Как в детстве, когда выходил из церкви в Пасху. И по-иному выглядело все на улице. Пахло весной. И люди все хорошие.

Да, что-то говорил о прохожих. Кажется, о том, что считает по ногам... Или что-то в этом роде...

Впечатление. Побывал в 16-17 в., а может быть у истоков. Святой, и вещей боян, и монах, и летописец. Всего было в нем намешано. И просто – доброта.

Хотелось знать, какой он был изначально. Бойкий.

Есть притворщики. Игроки. А этот – нет. <...>

Что мы за русские? Почему ничего не щадим? От богатства непомерного, от щедрости?

И перестал верить славянофилам, которые публично кричат о любви своей к России. А вот тут она Россия... Возлюби.

Увы, эту Россию любить невыгодно. Ничего не дает.

Вышел с ощущением святости... И все люди хорошие. И хотелось со всеми быть хорошим. А потом за суетой всё это выветрилось, забылось... <...>

Люблю бывать в ЦДЛ, когда оказываюсь в Москве, какая-то праздничность, приподнятость уже в вестибюле. Так и слетает с тебя провинциализм. Воздух другой. От просторного ли помещения (у нас в Ленинграде – лестница, неудобно), от развешанных ли афиш – цветных, зазывных со столичным размахом (о выставках, о выступлениях артистов, о «мероприятиях» ЦДЛ) или от важно прохаживающихся писателей, среди которых вот-вот встретишь своего знакомого, с которым не виделся целые месяцы.

Так было и на этот раз. Снял пальто на вешалке, легко взбежал по легкой в три ступени лестнице в портретный зал вестибюля, разбежался глазом. Глянул на одну афишу, на другую – цветастые, яркие и вдруг на шите,

неподалеку от стола дежурной, задержался глазом – больно уж убого. Увидел небольшой белый листок, исписанный чёрными письменными буквами, сиротливый, нищенский на фоне этого великолепия. Что-то вроде листка с объявлением об обмене жилплощади, которое иногда незаконно вывешивают среди театральных афиш на бойких местах.

Вчитался. Траурное объявление, возвещающее о смерти члена СП с 1934 года Бориса Викторовича Шергина. И все. Ни фотографии, ни обычного указания о дне похорон, панихиды.

Шергин, Шергин... Кто такой? Какой-нибудь ударник, призванный в литературу в тридцатые годы и не заслуживший благодарного слова из-за своего бесплодия. А может, это тот Шергин...

Нет, нет, не может быть... О том же ведь рыдал бы сейчас весь Дом литераторов. Спрашиваю у дежурной. Пожимает плечами, спрашивая у одного-двух членов СП сытых, раскормленных, с павлиньей важностью прохаживающихся по вестибюлю, – тоже не слышали про такого.

Звоню Юре Галкину²: может он знает? И вот от Юры Галкина узнаю: умер Шергин Борис Викторович. Да, да, тот самый... Тот самый...

В Архангельске жили несколько интересных писателей. Писахов³. Вылко⁴... Пунуха⁵... Ездил мимо... Писахова даже встречал, кажется, во время войны.

И не зашел... По скромности... Это только северяне поймут...

Поэтому при каком-то разговоре сказал Юра Галкин, что на днях был у Б. В. Шергина. Я страшно взволновался.

Тот ли это Шергин?

История посещения... Весной... <...> Как? С кем живет?

Думал, схожу еще. И вот не сходил. <...> Суета.

Ощущение: с Зосимой Достоевского беседовал... В Оптиной пустыне не побывал. Ощущение святости всю дорогу.

Смотрю по сторонам... Щит с фотографиями юбиляров. В галстуках... Книги. Никого не знаю. Зашел в зал ресторана. Неужели там всё так же шумно <...>

Да, да. Никто не вспомнил Шергина. Я зашел поесть. Так и ушел не поевши. Подумал: надо предпринять меры <...>

Похороны. В маленькой церквушке. Осенью... Сыро. Холодно. Серо...

<...> Из писателей Ю. Галкин, два-три художника, один или два геолога (?) и несколько знакомых, родственников, главным образом женщин. Еще несколько старух, смотрящих...

Теплые свечи в руках, кадил батюшка, читал псаломщик.

В гробу лежал святой старичок (и по деяниям своим и по облику). Плакал племянник (богоданный). А где писатели? Где представители русского Севера, которому он посвятил свое слово? <...> Ни одного.

После последнего целования разошлись и те немногие почитатели, которые пришли на отпевание. Остался племянник да Ю. Галкин. Они и

проводят Бориса Викторовича на кладбище. И, может быть, еще две-три знакомых женщины.

Да, умер неповторимый волшебник слова, может быть, лучший писатель, живший в Москве. А Москва и не знала, что такой есть.

О Россия, Россия. Когда же ты наконец будешь воздавать своим сынам не по чинам, а по заслугам.

Я тоже хорош. Только один раз был у Бориса Викторович. Помню полутемное, полуподвальное помещение.

В окошках беспрерывно мелькали ноги – то шли по тротуару пешеходы. А на убогонькой кровати солдатского образца сидел сухонький, плешивый, с козлиной бородкой старичок и дивный свет излучал вокруг. (Наверное, вот такие были в старину святые).

И такой же дивный свет излучало его слово...

Я упрекал славянофилов. А сам? Ведь и сам не пошел на кладбище. Какая-то суета.

Прислал дневники Юра. Едва расшифровал. Господи, что за слово. Что за доброта...

Пошел искать книгу. Нет книги... Почему не издают?

Думаю, думаю: кто он? Почему не был в Архангельске? Чем жил?

Сходить к Б. Шергину, к племяннику. На могилу. <...>

19.XII.1974

<...> Почему не пошел на кладбище, на поминки?

Холодно, сыро было, себя пожалел. И потом эта подленькая философия, которая нынче в ходу: что даст мертвому мое пребывание на кладбище? Не все равно ему теперь, сколько там народу будет. А я могу схватить грипп, промочить ноги, выбыть из строя – кому это надо?

И еще: похоронный обряд нужен живым (это мне давно известно. Разговоры в деревне на этот счет. «Не хуже чем у людей» и т. д.). А кто живые? Племянник-пьяница? А что мне до него?

Да, да, в деревне вокруг похорон общественное мнение, там жизнь людей во многом зависит от этого, а в городе? В городе на этот счет нет предрассудков. Да и деревня «прогрессирует»: многие ныне не ездят на похороны, чтобы не расстраивать себя.

Я не поехал. Но мне было ужасно стыдно <...>

Сентябрь 1975

<...> Темная изба. Темный коридор, пропахший кухней, помоями, уборной – в провинции такие, из которых никогда не выветривается запах. Запах провинции и темная комната.

И в этой темной комнатке старичок. Светленький. Голова белая, как одуванчик. Лысина.

И свет шел от этого старичка. И пахло <...> какой-то келией. Совсем не 20 веком. И не верилось, что это писатель.

28.IX.1975

Я помню первые впечатления от чтения. Не то сено сухое (не трава), вся плоть у него высушена, он являл миру духовную суть, не то что-то от былины, от духовных стихов... От иконы...

Красота слова – особая, шергинская... И любовь – превыше смерти...

Прав Ю. Галкин. Это не только индивидуальное свойство художнической души Б. Шергина. Но это и грань русской северной души, которая в условиях севера сохранила особую – до сентиментальности – человечность.

4.1X.1978

<...> К вечеру дело было. Темновато. Что было на стенах? Запомнил смутно какой-то глухой старинный шкаф, тощую железную кровать, заправленную дешевеньким сереньким одеяльцем (суконным), запомнил шорохи и голоса, которые доносились не то из коридора, не то из кухни.

И из вещей, из материального мира все.

Подвал, все погружено в мрак. Но – свет. Свет от старика на кровати.

Как свеча, как светильник. В памяти вставал почему-то Зосима Достоевского, в последний раз наставляющий Карамазовых, деревенские старики, которые уже «сожгли» всю свою плоть. Бесплотные, бестелесные... Как светильники, от которых пахнет воском, ладаном, сухой полевой травкой или сенцом.

Ю. Галкин на правах старого знакомства стал просить (почти с ходу) спеть бывальщину, но я оборвал его. Мне показалось это излишней назойливостью. Я хотел подвести к этому «старичка» сам.

Я очень жалею теперь об этом. Часто так бывало со мной.

Я так и не услышал, хотя старик на первых порах сам не прочь был продемонстрировать свое искусство.

И вообще, как я потом понял, он рад был своим гостям (редким у него) и готов был для них все сделать – только бы их подольше удержать.

Ладно, думал я, когда вышли, в следующий раз. Следующего раза не было. Я так и не зашел больше к старику, хотя возможность была.

Об исполнительском мастерстве Шергина-сказителя рассказывал мне И. Бражнин⁶ – в юности слышал. Одно из самых ярких впечатлений <...>

Впечатление – благодать, святость, неземная чистота, которая есть в картинах Вермеера Делфтского⁷.

Слепой старик. А ведь светился.

В гостях

3.X.1978

Я стал рассказывать об Архангельске. Старичок только вздыхал. Я сказал: не съездить ли? Нынче это не проблема.

– Где уж мне, убогому? Задаром-то еще не возят (намек на безденежье).

Почувствовав неловкость, утешительно сказал... Куда без глаз? Зачем мне

город?

А потом сказал:

– Ничего, я и так каждый день мыслью летаю к родителям. В свое детство. <...>

По искренности, по наивности Шергин перекликается, вероятно, только с одним писателем в русской литературе – с протопопом Аввакумом.

Но у Аввакума искренность, душевность очень земная, «плотская», хотя он и лицо духовное. У Шергина искренность ребенка, святого старца, всеумудрого, отрешившегося от всех земных страстей, научившегося всех прощать и т. д.

Беспорочная чистота. Он святее и чище любого церковника, хотя живет в миру. А в сущности, он ведь кто? Отшельник в своем подвале, забытый, покинутый всеми. <...>

Детский рисунок, сказка, духовный стих... Все это по своей чистоте, открытости – есть в дневнике Б. Шергина.

9.XII.1978

Из какого речевого источника речь Шергина?

19.XII.1978

Как впервые вошел в подвал, открыл какой-то неведомый мир – мир сказки. Вернее так: современный подвал, в котором примостились, доживали время исчезнувшие из жизни сказки, былины и т. д.

Я часто себя спрашивал: куда ушла чертовщина. <...> Потому что из леса, из деревни ее выжили.

Доживала она свой век вот в таких подвалах с ребячьим сердцем. <...>

Как леший. Как коненковский лесовик <...>

31.I.1979

Читаешь и такой свет в душу льется...

Все время жил трудно материально, а какая душа!

Праведник жил среди нас. <...>

У Шергина не было пиджака.

Праведник, святой в наши дни – не чудо ли? А охочих до него не было. Один весь день. Писатели, которые клянутся в любви к русскому народу, не бывали.

Походил и на вешего старика-сказочника. И на праведника типа Зосимы (Достоевского) и на деревенского старика.<...>

Из Соловецкого дневника⁸

22.X.1979

Теплоход. Громадина. Кажется, медленно выходит, но скорость немалая <...>

Архангельск. <...> Хочу разгадать старый город. Может быть, с Соломболой⁹ повезет?

Вспомнил, что это колыбель шергинского детства, – земля его героев, таких удивительно человеческих...

Моряки, но не морские волки. Полная противоположность Западу. Таких моряков не было в мировой литературе.

Но ничего, решительно ничего от Шергина. И только когда теплоход выходит в открытое море и исчезает земля – пустыня водная – твоя душа наполняется теми чувствами, которые испытывали труженики моря у Шергина.

Печаль. Пустыня. Мысли о боге. О вечности. Так ведь на неуютной машине, несокрушимой, а каково им-то беднякам было – на парусах, на карбасах. И на что им было положиться? На братство. На взаимовыручку, на самоотверженность, на готовность пожертвовать за друга, жизнь положить.

Да, вот откуда Шергин.

25.X.1979

«О, море! Души моей строитель!» Это сказал Шергин (Где?) И я понял это до конца, всем нутром своим, сердцем, когда оказался совсем, совсем в море.

Пустыня водная, водная стихия. И ты маленькая заброшенная песчинка.

И где опора, на что в этой водной пустыне уповать? Только на братство, на взаимопомощь. И вот – это Шергин. Это его песня. А братство – это красота человеческая.

И как же обращение к древности, культуре у нас недооценивали, что едва не выпало оно из нашего духовного хозяйства, если бы не старания советских ученых.

Ведь именно в ней впервые так чисто, так пламенно внесена молитва души, хвала красе. <...>

Море, великие испытания, выпавшие на долю северянину, построили его душу.

22.X.1979

Где, в какой литературе воспето братство? Да и могло быть выше духовное братство, чем в среде поморов, звероловов и рыбаков, которые один на один оставались с ледовой пустыней и у которых если и была какая защита, какой щит против нее, так это лишь братская спайка <...>

Но тут не просто братство воспето, а братство, претворенное в искусство.

Рублевская троица приходит на ум, когда читаешь Шергина. Оттуда этот дух русского смирения и неизъяснимой светоносности, душевной красоты, которая исходит от ангелов. И еще от духовных стихов...

И снова и снова думаешь, какой это великий источник для нынешнего и будущего искусства – древнерусская литература и живопись. И как хорошо, что оно стараниями Д. С. Лихачева и его учеников поднято из небытия, воскрешено к жизни.

Вот уж поистине восстал из глубокого озера чудный град Китеж, легенды

которого нас греют с самого детства (и наполняют светом).

22.X.1979

Стоял у гроба. Все было до банальности просто – знакомо.

Но под влиянием то ли всей обстановки, то ли утра, во мне поднялась вера. Вера в человека. Во что-то высшее. Каким-то дальним светом, не земным, а воистину тем, который называют горним (иного слова не найду), наполнилась душа.

И плакал племянник. И у меня радостно теплели слёзы на глазах. <...>

За гробом пошел Ю. Галкин. Один из всех писателей, Можно сказать, его духовный сын, благодаря стараниям которого вышла книжечка.

X. 1979

Шергин – писатель самообытный, неповторимый. Такого писателя до него в русской литературе не было.

Запах, свет, дух, душа – вот измерения шергинского творчества.

Беловодье души – вот что такое Шергин.

Для Галкина Шергин – выражение истинного духа поморского.

Нет, жизнь народа была сложнее. Он жил и плотью. Жил страстями. У Шергина же запечатлена только **идеальная сторона жизни** северян. У него нет плотских страстей. А не все складно было. У него все святые.

Искусство Шергина сродни иконе. Икона – в литературе. И сродни народному творчеству.

У Шергина все идеально, во всем склад и лад. <...>

Шергин – это как бы рай, спущенный на землю. <...> Таков уж он был по складу своему. И отбор слова соответствующий. Нет плотскости.

У Шергина в языке иногда кудрявость лишняя (не скажу: вычурность).

Страна идеальных отношений – не Беловодье ли сказочное, о котором веками мечтал народ?

О том, что бывают между людьми побранка, узнаем вскользь. <...>

8. III. 1982

Шергин и Писахов воспитаны совсем на другой культуре, чем мы, родившиеся в советское время...

Примечания

1. Личность и творчество Бориса Викторовича Шергина (1893-1973) занимали долго мысль Федора Абрамова, о чем свидетельствуют 20 заметок (1974-1982), сохранившихся в писательском архиве. Кроме того, Абрамов не раз в своих устных и печатных выступлениях говорил о талантливейших северянах – Кривополеновой, Писахове, Шергине, о необходимости популяризации и увековечивания их памяти. (См. статью «В краю родникового слова» в кн.: Федор Абрамов. Чем живем-кормимся. Л. 1986. Стр. 30-34).

2. Галкин Юрий Федорович – писатель. С ним долгое время дружил Федор

Абрамов и от него многое узнал о Шергине. Благоговейное отношение Ю. Галкина к Б. Шергину хорошо передает запись в дневнике Ф. Абрамова от 13.XII.1978 г.: «Все шесть дней недели Юра работает: огород, дом, литературная поденщина (переводы и пр.). А в субботу намывал полы в доме, мылся в бане, менял чистое белье и на завтра, в воскресенье, устраивал для себя праздник души. То есть садился за стол, брал дневники Б. В. Шергина и начинал их расшифровывать.

В статье отметить, как много сделал для популяризации Б. Шергина Ю. Галкин».

Ю. Ф. Галкин написал книгу о Б. В. Шергине: Борис Шергин. Золотая цепь. М., Советская Россия, 1982.

3. Писахов Степан Григорьевич (1879-1960) – писатель-сказочник, художник-пейзажист.

4. Вылко – Вылка Илья (Тыко) Константинович (1886-1960) – самобытный ненецкий художник, поэт и общественный деятель.

5. Пунуха – Пэля Пунух (псевдоним Синицына Тимофея Петровича (1894-1969) – общественный деятель, писатель, писавший о северянах, особенно о ненцах.

6. Бражнин Илья Яковлевич (1898-1982) – писатель.

7. Вермеер Делфтский (1652-1675) – известный голландский живописец.

8. Из Соловецкого дневника – начатая и незаконченная повесть Фёдора Абрамова о Соловках. Печатается отрывок из нее о Б. Шергине.

9. Соломбала – древний пригород Архангельска, славившийся корабельным строительством и мастерами-корабелями. В 1693 году здесь была заложена первая в России государственная судостроительная верфь. Ныне промышленный район Архангельска.

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник: Личности нужны России : заметки о писателях / Фёдор Абрамов ; вступ. слово, сост. и прим. Л. В. Крутиковой-Абрамовой // Литературное обозрение. – 1987. – № 4. – С. 106-112. – (Литературный архив). – Из содерж.: Заметки о Борисе Шергине. – С. 106-109.